

Алкогольная зависимость как биопсихосоциальная проблема

Назаров Олег Юрьевич г. Нижний Новгород

Алкогольная зависимость в отечественной клинической традиции рассматривается как хроническое прогредиентное заболевание, имеющее биологическую природу, изучаемая как медицинская проблема. Вместе с тем, значительное распространение злоупотреблением алкоголем наносит огромный ущерб не только Физическому здоровью, но и значительно меняет саму личность, как массовое явление приносит вред экономике, общественной морали, формирует соответствующую субкультурную среду, придавая этой проблеме не только медицинский, но и социально-психологический характер. Ограничивая круг изучения алкогольной зависимости биологическими, психофизиологическими, нейрохимическими проблемами, мы отбираем у личности ее субъектность, низводя человека с вершин личности до биологического объекта. Рассмотрение алкогольной зависимости с точки зрения системного подхода, позволяет преодолеть нарастающие в рамках клинического подхода трудности в уточнении природы формирования и разработки мер по преодолению данной проблемы.

В частности, психология, по мнению Б.С. Братуся[4], способна заполнить вакуум, образующийся в результате попыток прямого соотнесения биологических детерминант алкогольной зависимости с клиническими проявлениями и психосоциальными последствиями. С позиций психосоциального подхода, алкоголизация и алкогольная зависимость могут рассматриваться как вариант аддиктивного или самодеструктивного поведения, как разновидность реакции преодоления стрессогенных переживаний. В современной психологии и социологии нет ни одного теоретического направления, которое не пыталось бы самостоятельно объяснить злоупотребление алкоголем. При этом ни один из этих подходов не является общепринятым и полностью удовлетворительным. Поэтому особое значение приобретает попытка интегративного, междисциплинарного подхода. Модель алкогольной зависимости, как биопсихосоциальной позволяет свести факторы, исходящие из разных уровней объяснения в рамках одной теории, где биологические, психологические, социальные переменные взаимно опосредуют, изменяют и дополняют друг друга.

На биологическом уровне, в патогенезе алкогольной зависимости участвуют таламодиенцефальные и лимбические структуры, правое полушарие, то есть структуры, регулирующие эмоциональное состояние человека. Важную роль играет механизм долговременной эмоциональной памяти. Алкоголь изменяет эмоциональное состояние через нейрофизиологическую систему положительных и отрицательных подкреплений мозга, формируя тем самым патологическую алкогольную мотивацию, поведенческие реакции, направленные на поиск и потребление алкоголя. Формирование нового поведенческого гомеостаза может быть объяснимо с позиций теории об устойчивом патологическом состоянии (Н.П. Бехтерева [3]). Важным элементом этой теории является представление о матрице долговременной памяти. Устойчивость патологического состояния объяснима различием формирования и воспроизведения матриц долговременной памяти в физиологическом и патологическом состоянии мозга. Матрица долговременной памяти патологического состояния отличается от физиологического (здорового) жесткостью функциональной организации составляющих ее элементов, постоянством активности систем воспроизведения, затруднением или невозможностью процесса забывания.

Таким образом, если алкогольную зависимость рассматривать как устойчивое патологическое состояние, то патогенез зависимости может быть обусловлен формированием соответствующих матриц долговременной эмоциональной памяти. Одновременно с образованием матрицы патологического состояния, происходит распространение влияния данного состояния на другие структуры мозга. По мнению ряда авторов [5], следствием этого является системное нарушение регуляции функций и разбалансировка деятельности всего головного мозга. Память связанная с "положительным", эйфоризирующим действием алкоголя, способностью алкоголя опосредовать любые психологические состояния, начинает играть роль патологической доминанты, заставляя воспроизводить состояние опьянения вопреки рассудку, здравому смыслу. Все сказанное позволяет выделить эмоциональную составляющую, которая играет значительную роль в теориях, описывающих биологические механизмы формирования алкогольной зависимости.

На психологическом уровне основные изменения, связанные с формированием алкогольной зависимости, происходят в мотивации деятельности и сфере самоосознания. Психологическим аспектам алкогольной зависимости

посвящены работы Э.Е. Бехтеля, Б.С. Братуся, К.Г. Сурнова, В.Ю. Завьялова, Ю.В. Валентика, Н.С. Курека, Т.А. Немчина, С.В. Цицерева и др. Изменения в мотивационной сфере обусловлены появлением нового мотива, связанного с потреблением алкоголя. Эти изменения проявляются: в сужении круга интересов, потребностей, разрушении иерархической структуры мотивационной сферы, формировании рядорасположенности мотивационных факторов, возникновении неустойчивости в мотивационной сфере, стремления к немедленному удовлетворению возникающих побуждений (импульсивности). Б.М. Теплов[13] выделяет «короткую» и «дальнюю» мотивации, связанные, соответственно, с достижением ближайших и отдаленных целей. При алкогольной зависимости «дальняя» мотивация постоянно редуцируется, а «короткая» — становится доминирующей. Так как «дальняя» мотивация связана с достижением социальных, общественнозначимых целей, то при алкогольной зависимости постепенно начинает преобладать биологический компонент мотивации, в котором, в свою очередь, доминирует потребность в алкоголизации. Алкогольный способ удовлетворения потребности по мнению К.Г. Сурнова[12] заключается в подмене объективных результатов эмоциональными ощущениями и состояниями.

В современной психологической литературе придается большое значение связи злоупотребления алкоголем и нарушениями в сфере самоосознания. По литературным данным, высокая самооценка служит «изолятором» от отклоняющегося поведения, а низкая самооценка сама является мощной детерминантой такого поведения. Низкая самооценка, характерная для больных алкогольной зависимостью, может выступать в качестве мотива обращения к алкоголю. Алкоголь позволяет реализовать на эмоциональном уровне потребность в высокой и устойчивой самооценке, одному из главных мотивов в человеческом поведении.

Уровень притязаний — важная личностная характеристика, являющаяся индикатором самооценки, репрезентом мотивационной направленности на достижение или избегание неудач. От уровня притязаний во многом зависит процесс целеобразования, т.е. выбор цели наиболее адекватной возможностям человека. Выбор цели определяется сложными конфликтными отношениями потребностей уровня притязаний, самооценки, характером преобладания мотивационной направленности, внешней ситуационной мотивацией. В результате возникает цель, воплощенная в образе, эмоционально переживаемая,

наполненная личностным смыслом, как действенная сила, ведущая к успеху или к стремлению выйти из ситуации, угрожающей неуспехом.

При алкогольной зависимости характерным является нереалистичный и не гибкий уровень притязаний, рассогласование уровня притязаний и самооценки, недостаточность мотивационной направленности на достижение. Эта тенденция находит отражение во всех видах деятельности, за исключением той, что связана с потреблением алкоголя. Неспособность удержать цель и достичь цели в процессе реальной деятельности приводят к устойчивому снижению самооценки, сопровождающемуся негативной эмоциональной реакцией, актуализацией влечения к алкоголю, алкоголизации. Неспособность сформировать значимую цель разрушает смысловую организацию деятельности. Наличие у человека отдаленной и значимой цели, напротив, позволяет ему справляться с препятствиями, негативными эмоциями, оказывает мобилизующее и организующее влияние, поскольку, в понимании А.Н. Леонтьева [8], осуществляемая человеком сознательная цель «как закон определяет способ и характер его действий».

Мы видим, как тесно взаимосвязаны сфера мотивации, самоосознания и деятельности, где сфера самоосознания, в частности, уровень притязаний и самооценки, играет роль, по терминологии Е.П. Ильина[7], «внутреннего фильтра», определяющего субъективную, эмоционально окрашенную, вероятность достижения цели, оказывая влияние на процесс целеобразования. Сфера самоосознания и далее продолжает влиять на принятие решений, используя механизм самоподкрепления, через сопоставление образа ожидаемого результата, определяемого исходным уровнем притязаний и достигнутого результата. Уровень достижений порождает соответственную самооценку и самооценочные эмоции.

Ригидный неадекватный уровень притязаний, рассогласование между уровнем притязаний и самооценкой, дефицитарный характер переживания положительных эмоций характерен для больных с алкогольной зависимостью. И в этом случае, на психологическом уровне объяснения формирования и функционирования алкогольной зависимости обнаруживается важность эмоциональной составляющей, детерминирующей или вносящей значительный вклад в рассматриваемую проблему.

При алкогольной зависимости неспособность к целенаправленной деятельности характерна только для социально значимых видов деятельности. И по мере прогрессирования заболевания, социально значимые виды деятельности редуцируются, "...все виды деятельности оказываются подчиненными одной главной, которая начинает определять все поведение человека"» [2,с.143]. Такой вид деятельности Б.С.Братусь обозначает как иллюзорно-компенсаторное: «Иллюзорно-компенсаторная деятельность отделяет человека от задач реальности, от достижения в ней своего назначения и счастья, постоянно переносит центр внутренних детерминантностей в иной иррациональный план, который все более обживается, обставляется все новыми атрибутами и становится, наконец, в смысловом отношении более важным, значимым и притягательным, нежели мир реальный» [4,с.79]. В.С.Ротенберг и В.А.Аршавский расценивают подобное поведение как "неправильно ориентированный поиск, осуществляющийся без учета реальности" [11,с.165]. Это положение подтверждает исследование В.Ю. Завьялова [6]. Автор показывает, что личностный смысл алкоголизации заключается в доступе к психологическим ресурсам (ощущение смелости, могущества и т.д.) и, одновременно, снятию ответственности за доступ к использованию этого ресурса. Действие алкоголя определяется не столько его химизмом, сколько ожиданием позитивных эффектов прошлым опытом научения, способностью алкоголя опосредовать любые психологические состояния.

Нарушение в сфере деятельности, неспособность личности удержать цель и достигать цель приводит к формированию механизма «выученной беспомощности» [15].

С позиций социального научения уход от реального решения проблем, когда реальный результат подменяется эмоциональным состоянием, приводит к жизненной некомпетентности, дезадаптации и десоциализации. В процессе социализации происходит приобретение и усвоение норм, ценностей, качеств, позволяющих человеку функционировать в обществе в качестве полноправного члена. Характер социализации определяется внутренними факторами, к которым относится мотивация, сфера самоосознания, способность личности к целенаправленной деятельности. С другой стороны, характер и уровень социализации определяется внешними культурно-средовыми факторами.

В настоящее время необходимо учитывать особенности социализации в условиях радикально меняющегося общества. Сегодня личность испытывает воздействие 3 групп факторов.

Во-первых, кризис социальных отношений, связанный с углублением социального неравенства.

Во-вторых, кризис сферы труда, отражающий становление рыночных отношений.

В третьих, кризис личности, связанный с деформацией привычной жизненной модели.

Все это создает благоприятную почву для массовой алкоголизации. Алкоголизация, как средство преодоления эмоциональной напряженности, как форма самоутешения и самоподкрепления, как детерминанта «выученной беспомощности», усиливает кризисный характер социализации.

Классическая теория «социального научения» Альфреда Бандуры [14] предполагает, что между стимулом и реакцией находится личность, способная к наблюдению, выбору, установлению собственных стандартов поведения, самоподкреплению, т.е. к саморегуляции. Действие алкоголя приводит к тому, что устраняется оценочное влияние «внутреннего фильтра», ограничивается поисковая активность, и тем самым ограничивается влияние личности на поведение и деятельность. Поведение приобретает характер импульсивного, а поведенческие реакции упрощаются по принципу «стимул-реакция».

Таким образом, мы видим, что в процессе взаимного опосредования, используя системные механизмы (биологической, психологической, социальной) регуляции поведения, алкоголизация способствует формированию патологической системы поведения, характеризующейся жесткостью, устойчивостью, постоянством воспроизведения.

Рассматривая алкогольную зависимость как биопсихосоциальную модель, мы видим как много общего в теориях, которые мы привлекали для объяснения алкогольной зависимости на биологическом, психологическом, социальном уровне. Теории Н.П. Бехтеревой, М. Селигмана, А. Бандуры используют механизм эмоциональной памяти, подкрепления, научения. Рассматривая алкогольную зависимость как проблему, являющуюся следствием научения, понятнее становится проградидентный характер и нестойкость ремиссии при алкогольной зависимости. Можно предположить, что имеется общий по структуре механизм

формирования и развития алкогольной зависимости, но в то же время в зависимости от течения и тяжести заболевания, мы можем наблюдать различную степень выраженности дефекта на биологическом, психологическом и социальном уровнях. При этом сформированная зависимость на одном уровне не является обязательной на другом.

Рассматривая человека как существо биосоциальное, можно выделять различные его составляющие, но все же неоспоримым является то, что человек становится человеком в процессе социализации. И социальная среда, выступая колыбелью в развитии здоровой личности, также имеет основание первой прийти на помощь личности, больной алкогольной зависимостью.

Рассматривая меры по преодолению алкогольной зависимости необходимо, по видимому, перераспределить приоритеты уровней, позволяющих организовать процесс ресоциализации, рассматривая их в единстве, но в следующей последовательности :социальный, психологический и биологический.

Чтобы изменить ситуацию следует восстановить регулирующее влияние личности, восстановить нормальный механизм социального научения. Процесс ресоциализации предполагает трансформацию субъективной реальности. Существует ряд условий, делающих трансформацию реальности успешной. Поскольку процесс трансформации напоминает первичную социализацию, то в ходе ее неизбежно копируется детский опыт эмоциональной зависимости от группы людей, образующих вероятностную структуру и обозначаемую как «значимые другие», «референтная группа», «малая группа». Такой группой может быть семья, терапевтическое сообщество, участники групповой психотерапии, производственный коллектив, группы с религиозной и духовной направленностью и т. п. Такие группы должны стать миром личности, отодвигающим все остальные миры и, прежде всего, тот, в котором личность находилась до этого. Нормы, ценности, социальные установки группы становятся эталоном, с которым личность сравнивает свои действия. Самооценка личности во многом зависит от оценки группы. Потребность личности в высокой самооценке, желание сохранить самоуважение превращает группу в основной инструмент социализации.

Вторым условием успешности субъективной трансформации реальности является радикальная реинтерпретация прошлого опыта, переоценка значения отдельных лиц в собственной биографии. Не трудно заметить, что первое и

второе условия тесно связаны. В случае алкогольной зависимости, обесценивание «алкогольного прошлого» должно уравниваться контрпризнанием внутри терапевтического сообщества.

Третьим условием успешной трансформации является использование в психотерапии трансовых методов. В процессе психотерапевтического сеанса, находясь в измененном состоянии сознания, частично освобождаясь от контроля сознания, личность выходит за свои пределы, за пределы своей биографии и оказывается в мире, в котором данность становится возможностью. Если в обыденной реальности личность считает, что у нее «нет выбора», то выходя за пределы обыденности, личность выходит и за пределы убеждения «нет выбора». Перевод поисковой активности на другой уровень делает ее более эффективной. Т.О., преодолевается отказ от продолжения поисковой активности, нейтрализуется влияние защитных механизмов. Последующая аналитическая переработка сознанием эмоционально-образной информации, полученной в трансе, рано или поздно проявится не только в виде мыслей и чувств, но и на уровне действий. Все три условия успешной трансформации должны быть частью осознанной, разумной и целенаправленной деятельности. Согласно В.В. Новикову[9] сознательное отношение человека к действительности позволяет ему рассматривать среду не только как непосредственно и актуально данную ситуацию, но и как целостную систему возможностей, находящихся в единстве с ним. Это позволяет расширить диапазон возможностей человека и он становится существом, активно ориентированным на будущее. Убеждение «у меня нет выбора» должно смениться убеждением «я смогу сделать это».

Литература:

-
1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.,1995.
  2. Бехтель Э.Е. Донозологические формы злоупотребление алкоголем. М.,1986.
  3. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. Л.,1980.
  4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
  5. Гриненко А.Я.,Крупницкий Е.М. и др. Нетрадиционные методы лечения алкоголизма. СПб,1993.

6. Завьялов В.Ю. Коммуникативный стиль и личностный смысл опьянения у больных алкоголизмом // Медицинские и социально-психологические аспекты алкоголизма. Новосибирск, 1988.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции.- М.,1971.
9. Немчин Т.А. , С.В.Цицереv. Личность и алкоголизм. М., 1989.
10. Новиков В.В. Социальная психология. Феномен и наука. М.,ИП РАН, 1998.
11. Ротенберг В.С.,Аршавский В.В.. Поисковая активность и адаптация. М., 1984.
12. Сурнов К.Г. Изменения установок личности при алкоголизме. М.,1982.
13. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.,1961.
14. Bandura,A.(1986) Social foundations of thought and action:A social cognitive theory. Englewood Cliffs,NJ: Prentice-Hall.
15. Seligman, M.E.P. (1975) Helplessness. San Francisco: Freeman.

Назаров Олег Юрьевич

603061, г. Нижний Новгород,

ул. Адм. Нахимова, д. 12, кв. 46.

тел.:

дом. 55-50-76

раб. 53-95-21

О результатах предварительного исследования механизмов психологической защиты у подростков

Алексей Романов, г. Иркутск

В настоящее время остро стоит вопрос о коррекции девиантных проявлений в поведении подростков. Данная проблема является наиболее выраженной в условиях пенитенциарных учреждений, где отбывают наказание в виде лишения свободы подростки, совершившие различные правонарушения. В условиях воспитательных колоний становится наиболее выраженными некоторые поведенческие проявления, существование которых можно объяснить формированием некоторых патологических защитных механизмов, что объясняется спецификой среды. Выявление и объяснение обусловленности этих механизмов позволит выбрать нужное направление для коррекции некоторых негативных проявлений поведенческой сферы подростков-правонарушителей.

Научная новизна проблемы заключается в том, что выявление и описание в сравнительном плане структуры и механизмов психологической защиты у подростков-правонарушителей, воспитывающихся в условиях семьи и в условиях пенитенциарных учреждений до настоящего времени, насколько нам известно, не проводилось.

Гипотеза исследования. В формировании специфических механизмов психологической защиты у подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях, значительное влияние на характер, интенсивность

и шаблоны поведенческих проявлений оказывают социальная среда и условия воспитания в пенитенциарных учреждениях.

Объект исследования. Механизмы психологической защиты.

Предмет исследования. Влияние условий содержания в пенитенциарных учреждениях на особенности формирования этих механизмов.

Цель. Изучение влияния особенностей социальной среды и условий воспитания в пенитенциарных учреждениях на формирование личностных и поведенческих механизмов психологической защиты у подростков, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Задачи исследования.

1. Выявление механизмов психологической защиты у лиц подросткового возраста.
2. Изучение механизмов психологической защиты у заключенных подростков.
3. Динамика формирования механизмов психологической защиты.
4. Изучение условий, определяющих формирование тех или иных механизмов психологической защиты, проявляющихся на личностном и поведенческом уровнях.

В этой статье я кратко расскажу о проведенном мной пилотажном исследовании механизмов психологической защиты среди подростков-правонарушителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы (исследуемая группа) и среди школьников одной из общеобразовательных школ г. Иркутска, и о влиянии этих механизмов на процессы социализации.

Исследование проводилось на базе детской (воспитательной) колонии, находящейся в г. Ангарске, и на базе средней школы № 27 г. Иркутска. Объемы выборки составили: 12 человек исследуемая группа и 12 – контрольная. Средний возраст испытуемых – 16 лет. Данное количество испытуемых может быть недостаточно репрезентативным, чтобы делать глубокие выводы и статистические вычисления, но приблизительное представление о специфике защит и дальнейшем направлении работы получить можно.

Исследование проводилось с помощью психометрических и проективных тестов, объединенных в общий пакет эмпирически по принципу их «взаимодополняемости» и возможно более широкого охвата различных сторон и проявлений личностных свойств, могущих оказывать влияние, либо зависящих от особенностей функционирования психологических защитных механизмов. Использовались как компьютерные, так и «бумажные» тесты. Использовались следующие тесты: УНП, тест Томаса, шкала социального одобрения Марлоу-Крауна, цветовой тест Люшера, тест Розенцвейга, Hand-test, РАТ, рисунок человека, человека под дождем, несуществующего животного, а также специфический тест на исследование механизмов психологической защиты – LSI (Life Style Index). Выбор такого достаточно большого количества методик был обусловлен прежде всего тем, что это позволяет получить более объективные диагностические данные, и, кроме того, определить, какие результаты коррелируют между собой, чтобы сделать соответствующие выводы при «комплектации» пакета психодиагностических методик для проведения дальнейшего исследования.

Полученные результаты сводились в общую таблицу по каждой группе испытуемых. Затем полученные данные статистически обрабатывались для последующего отбора из всех используемых методик наиболее диагностически значимых и ценных, а также для получения предварительных данных, которые могут быть использованы для дальнейшей работы, и которые я приведу ниже.

Здесь я остановлюсь на результатах, полученных при проведении обследования в обеих группах с помощью теста LSI, которые могут быть сведены в следующую таблицу:

Таблица 1.

Механизмы защиты	Учащиеся средней школы n=12			Воспитанники детской колонии n=12			
	х	С. от.	Р	х	С. от.	Р	t
Подавление	3,25	1,66	32,5	6,00	1,35	55,0	4,46
Регрессия	8,00	2,17	47,1	9,75	3,11	59,8	1,60
Замещение	3,00	1,28	30,0	4,83	2,47	42,5	2,27
Отрицание	8,08	2,27	73,5	7,17	1,75	64,9	1,10
Проекция	7,92	2,54	66,0	8,33	3,42	69,2	0,33
Компенсация	6,33	1,55	63,3	5,75	1,66	68,3	0,88
Р. образов.	3,92	2,07	40,8	6,25	1,91	62,5	2,87
Интеллект.	7,83	1,12	65,3	6,00	2,41	60,0	2,39

Процентильный профиль защит группы учащихся средней школы

11

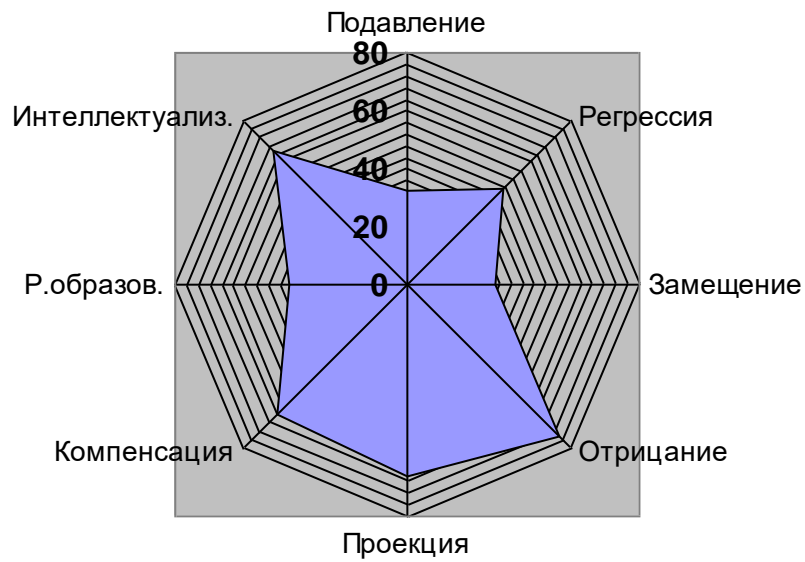
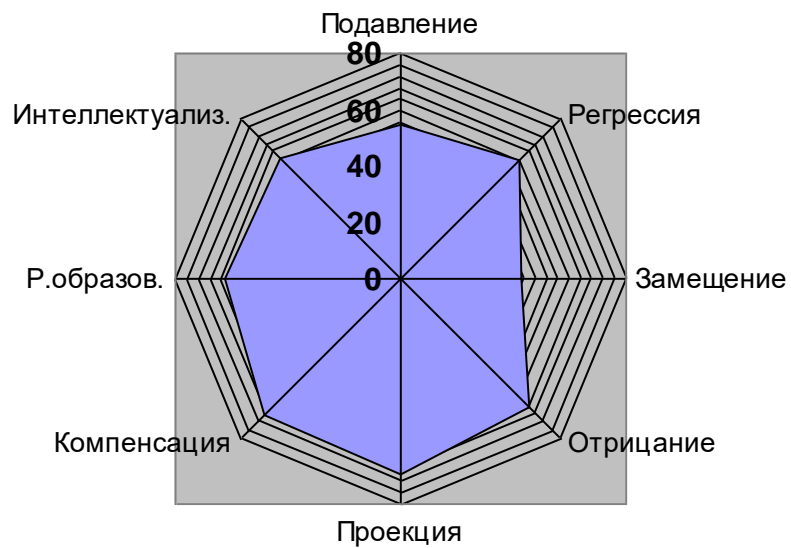

Рис. 1, рис. 2.

Процентильный профиль защит группы осужденных подростков

В таблице 1 приведены средние баллы по каждому защитному механизму в каждой группе испытуемых, стандартные отклонения, а также значения t-критерия Стьюдента для независимых выборок при $p < 0,05$.

Из данных, приведенных в таблице 1 и рис. 1, 2, видно, что показатели группы осужденных подростков значимо выше показателей их сверстников, обучающихся в массовой школе по 3-м защитам из 8 рассматриваемых, а именно, по подавлению, замещению и реактивному образованию, и лишь по интеллектуализации, которая является одним из наиболее зрелых и сложных защитных механизмов, показатели у учащихся значимо выше, чем у осужденных подростков. Думаю, данный факт можно объяснить большей степенью использования вербально-логического интеллекта, а также более выраженным стремлением сохранения собственной «Я-концепции» и необходимостью разрешения внутренних конфликтов.

Как мы можем увидеть, у подростков-правонарушителей преобладает использование более примитивных видов защит, характерных для относительно ранних этапов онтогенеза. Так, например, у человека с развитым и часто используемым замещением могут сформироваться реакции-заместители физических насильственных действий, которые являются прямой агрессией. Заместителем физической агрессии, в свою очередь, может быть ругань, иногда с использованием ненормативной лексики. Ведущей функцией подавления, как одной из самых неблагоприятных для полноценного развития человека психологических защит, является регуляция остро возникающего чувства страха, которое при неэффективном действии защиты легко преобразуется в сильно отрицательно заряженный аффект, формируя панические реакции. Обычно интенсивное использование подавления для блокирования чувства страха в более старшем возрасте приводит к гипертрофированному чувству опасности с проявлением инстинкта самосохранения. Увеличение показателей по реактивному образованию, которое затрагивает мотивационную систему человека, определяя прежде всего изменение потребностей, можно объяснить невозможностью удовлетворения тех или иных из них. В нашем конкретном случае мы можем наблюдать определенную выраженность тех или иных защитных механизмов (в исследуемой и контрольной группах) в зависимости от окружающих подростка социальных условий, что может рассматриваться как фактор адаптации.

Очевидно, что менее адаптированные индивиды, к которым можно причислить подростков-правонарушителей, используют некоторые защиты в большей степени, чем более адаптированные. «Это подтверждается результатами исследования групп шизофреников (США), средних подростков и правонарушителей (Россия) поскольку механизмы защиты есть способы искажения когнитивной и эмоциональной составляющих образа реальности, это отражается в поведении таких индивидов, сообщая ему защитный (девиантный, зависимый, патологический и т.п.) характер. Это приводит к конфликту с реальностью, к общественному неодобрению и разным формам взаимодействия со стороны общества. В результате реальность может стать для индивида еще более неприемлемой, что грозит внутренним конфликтом и ведет к дальнейшей патологии защитного функционирования... Показателен тот факт, что правонарушители используют выше нормы наиболее примитивные защиты, согласно рейтингам Вайлленда и Плутчика. Это означает очень малую степень осознания и большую степень искажения определенных аспектов объективной реальности». (1).

Следует отметить, что полученные данные могут быть использованы для подготовки к более глубокому исследованию; оперирование ими для формулирования далеко идущих выводов с той или иной степенью вероятности не представляется возможным из-за их недостаточной репрезентативности.

Литература:

1. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. – М.: АСТ, 1996.

Проблема разводов после тренингов ИИПТ, как отрицание интегративной тенденции развития личности.

Остриков Петр, Новосибирск.

Одна из проблем, на которую хотелось бы обратить внимание ведущих тренинги личностного роста, это проблема распада семейных пар после тренингов по интенсивным интегративным психотехнологиям. Практически по проводимым нами опросам после вышеуказанных тренингов распадается от 10 до 40 и более процентов браков. Какими же могут быть причины этого явления?

Вопросы, поднимаемые нами следующие:

1. Какими могут быть причины распада семейных пар после тренингов по ИИПТ?
2. Каким должно быть отношение к этому явлению со стороны практикующего психолога?
3. Какие шаги можно предпринять ведущему тренинги по ИИПТ для профилактики этого явления, если это имеет смысл?

Итак, бесспорным фактом является то, что после прохождения тренингов личностного роста с применением ИИПТ личность, её взгляды на жизнь, цели и ценности, круг общения и интересы порой категорически меняются. Так, бизнесмен становится на путь целителя, посредственный учёный блестяще защищает диссертацию, женщина, страдающая от мужа—тирана, находит силы противостоять ему и открыть своё дело в бизнесе. Т. е., можно сказать, что сила личности при интеграции различных, ранее отрицаемых или скрытых аспектов, возрастает. И это, безусловно, является положительно оцениваемым фактом.

В чём же причина распада брака? Оценивая происходящие изменения с точки зрения на личность по К. Уилберу и В. Козлову, как на двойственную структуру Я и НЕ-Я, на ЭГО и ТЕНЬ, можно отметить, что при развитии личности развивается Я или ЭГО за счёт интеграции ТЕНИ, за счёт присоединения того, что ранее отрицалось или подавлялось. Таким образом, ЭГО становится сильнее и более жизнеспособным, проходя этап положительной дезинтеграции. Однако, по всей видимости, способности к интегративным изменениям проявляются далеко не до конца. И в этом смысле личность, претерпев некоторые, возможно, достаточно радикальные изменения, просто выстраивает новые границы и укрепляет их. С одной стороны, это совершенно нормально, т. к. без способности удержать вновь приобретённые территории развитие бессмысленно. С другой стороны, установив новые, пусть расширенные границы, мы вновь оказываемся в клетке, даже если успели покрыть её прутья золотой пылью.

С нашей точки зрения, вопрос распада семей после тренингов по ИИПТ не может рассматриваться без прикосновения к коллективно-бессознательным энергиям архетипов. Архетиповая символика брака интересна и многообразна. Это не только Святое

семейство, состоящее из Марии, Иосифа и младенца Иисуса и пронизанное радостью и счастьем, известное нам из Нового Завета, или Филемон и Бавкида, прошедшие всю жизнь в любви и согласии. Это и другие примеры, такие, как Зевс и Гера, отношения которых имели совсем иную окраску. Громовержец был весьма любвеобилен и похождениями «на стороне» часто навлекал на себя гнев своей божественной супруги. Однажды Гера с помощью Афины и Посейдона приковала Зевса к скале, и он был вынужден просить обитателей Тартара о помощи. В свою очередь Зевс подвесил Геру за запястья к небесному своду и привязал к её ногам наковальню, чтобы усугубить страдания своей жены. Известны и другие злоключения божественной пары, в которых измены супругов перемежались с яростью мщения.

Геракл и Деянира – пример другой супружеской пары из мифологии древних греков. Возвращаясь после победы над Эвритом домой, Геракл вознамерился взять в жёны его дочь – прекрасную Иолу, будучи уже женатым на Деянире. Супруга героя, стремясь вернуть утраченную любовь к себе своего мужа, послала ему в подарок плащ, пропитанный приворотным зельем, которым её снабдил когда-то кентавр Несс, убитый Гераклом за попытку украсть его жену. Но зелье оказалось смертельным ядом лернейской гидры и Геракл умер в муках, а Дионира, узнав об этом, покончила с собой.

Ещё более драматическая история – брак царя Фракии Терея и Прокны – дочери царя Афин Пандиона, которая родила Терею сына и впереди, казалось бы, супругов ожидало счастье. Но Тесей воспылил страстью к сестре Прокны – Филомеле и обманом заманил её в ловушку, а, когда девушка, отказав ему в любви, пригрозила гневом богов – разъяренный царь вырезал ей язык. Только через год неволи Филомеле удалось сообщить своей сестре о злодеянии её мужа. И Прокна страшно отомстила своему супругу за издевательства над сестрой, убив своего сына и приготовив из него трапезу Терею.

И в русских сказках редко удаётся встретить примеры счастливых семейных пар, доживших до глубокой старости. Чаще это образ Всем-Недовольной-Ворчливой-Старухи и её Забитого-Покорного-Старика. Таковы персонажи «Сказки о Рыбаке и Рыбке», сказка «Двенадцать месяцев», «Морозко», «Крошечка – Хаврошечка» и др.

И современное общество имеет массу примеров, которые будучи схожими с вышеописанными, воспеты в частушках и анекдотах. Как правило, в них присутствуют алкоголик-муж и сварливая теща, мегера-жена и бестолковый любовник. Или, когда мы

слышим «муж возвращается из командировки...», то сразу ясно, в каком ключе последует продолжение и что это не рассказ об идеальных супружеских отношениях. Поэтому возникает закономерный вопрос – ради чего заключается брак? Если в нём присутствует не только любовь, но и ненависть, зло, коварство, предательство, измена, то не лучше ли избежать прибавления этих страданий к другим, которых и так хватает в избытке?

В настоящее время у современного человека сформирован совершенно своеобразный взгляд на супружество—идеальный брак должен быть непременно счастливым. Молодожёнам традиционно желают прожить в любви, согласии и счастье всю жизнь, жить-поживать, добра наживать. Но счастье в браке—это лишь один из его многообразных аспектов. И, если мы ставим целью брака—создание тихого счастливого семейного гнездышка, то многие другие его аспекты безнадёжно отрицаются.

Почему же это происходит? Весьма вероятно, что причиной существующей «установки» на счастье в браке является христианство, проникающее своими корнями достаточно глубоко в структуру ценностей каждой личности. Ведь даже человек, далеко не считающий себя христианином, имеет привычку делить вещи на хорошие и плохие, негативные и позитивные, добро и зло, стремиться к жизни и бояться смерти.

В дохристианский период смерть и страдания считались столь же равноправными явлениями, как жизнь и радость. И в древней Греции, и в шаманской культуре были кровавые обряды и жертвоприношения богам, бои гладиаторов и путешествия в нижние миры, где духи разрывали на части шамана и выпивали его кровь.

В период установления христианства произошло категорическое деление мира на светлые силы добра и темные зла. Тёмная сторона стала запретной, гонимой, табуированной и уничтожаемой. В соответствии с этим образ Бога-Отца был приравнен к идеалу добра и любви, а из его разрушительного аспекта смерти и ненависти был создан Сатана. Таким образом, Универсум был поделен надвое и в соответствии с этой двойственностью стали разворачиваться события. Охота на ведьм, крестовые походы за веру Господню озаряли кострами инквизиции мрачное время средневековья. Категорически отрицая существование в себе полярной противоположности и болезненно переживая этот раскол, служители церкви с завидным рвением использовали власть и насилие в самых изощрённых и *дьявольских* манерах. Все принципы существования, данные в заветах и проповедуемые церковниками ими же самими, грубо и категорически нарушались.

«Не убий»- и тысячи голов, снесенные мечами крестоносцев за веру Господню, котились на землю. «Возлюби врага своего, как самого себя»- и кости иноверцев и отступников, а то и просто оклеветанных, трещали, а жилы лопались под ломом палача на колесе пытки. «Не прелюбодействуй»- и только диву даешься, сколь изобретательны были светила духовенства в распутстве и пороке.

Уничтожение ведьм, борьба со злом в этом смысле могут пониматься с позиции расщеплённости соответствующих пар архетипов и попытки интегрировать их применением власти, тиранией. А владение жизнью и смертью человека, женщины, ведьмы—как не высшее проявление власти? Поэтому основным мифом того времени была борьба с дьяволом, ведьмами, Тенью, борьба смертельная и беспощадная.

И нельзя не отметить, что в определённой степени это было закономерностью. Развитие происходит при дроблении целого на части и последующей специализации. Если бы не было этого процесса, современный человек, не утратив единства с природой и считая себя её единицей, продолжал бы жить в пещерах и развития бы не было. Трудности в другом. Выбрав путь специализации и разделения, мы сожгли мосты, связывающие нас с первоосновой, с корнями так, как было бы. Если бы ветка дерева, вообразив себя отдельно живущей единицей, отпилила бы сама себя.

Отношение к браку тоже было особое: «...брак позволяется во избежание блудодеяния, ... соединённые браком уже не должны совокупляться между собой без всякой неумеренности, но целомудренно!»(Протоирей Михаил Труханов. 1997 г.). В основе идеального брака находилось то же стремление к добру и отрицание тёмной стороны. Но, как говорится, слова из песни не выкинешь. И Тень нет-нет да и заявляет о себе разрушительным гневом, злостью, чувством безнадёжного непонимания и обиды. И, чем глубже партнёры познают друг друга, сближаясь, тем чётче вырисовывается аспект Тени каждого из них. Что же происходит, когда Эго сталкивается с Тенью партнёра? Страх, подозрение, чувство обманутости. Юноша и девушка, выбирая друг друга в порыве чистом и трепетном в спутники жизни и сознательно желая пройти рука об руку этот путь, редко догадываются о том, что на самом деле им уготовила судьба. А ведь Тенями этих нежных архетипов любви и преданности являются неряшливый Бродяга-развратник и циничная Проститутка. И, вне сомнения, когда-то произойдёт встреча фасада каждого из пары с тенью партнёра. Женщина, берущая в мужа доброго, отзывчивого и

ласкового мужчину, умелого хозяина, вдруг обнаруживает стоящую за этой маской добропорядочности Тень разрушителя, пьяницы-Людоеда. Мужчина, берущий в жёны самостоятельную и ответственную женщину, через некоторое время обнаруживает себя под каблуком властной Амазонки. Рыцарь оказывается Убийцей, а очаровательная и таинственная незнакомка—Ведьмой. И дело не в том, что нас обманули, поманив светом, просто мы не думали о том, что чем ярче свет, тем резче тень. И всё, что мы имеем сейчас, уже было в человеке. Более того, всё это есть в нас самих. И в этом смысле применение власти, насилия, желание поставить человека «на место», заменить его другим, добиться определённости разводом ни к чему не приводят, вернее, не приводят к изменению нас самих, к внутреннему росту и мы опять с обидным постоянством снова наступаем на те же самые грабли просто потому, что одно из зеркал, отражающих нашу перекошенную маску, мы пытаемся разбить и забываем о глубокомысленной пословице: «неча на зеркало пенять, коли рожа крива». И затем мы заходим на второй или третий круг в поиске благополучия в очередной попытке заключения брака.

Если рассматривать брак, как возможность тихого счастья, где царит мир, покой и взаимопонимание, то следует признать, что эта идеальная модель может возникнуть только тогда, когда оба партнёра, пройдя каждый свой и общий пути развития, сумела интегрировать все теневые стороны НЕ-Я не только свои, но и партнёра. Поэтому правильнее было бы рассматривать брак так, как предлагает немецкий психолог—юнгианец Адольф Гуггенбюль—Крейг :« брак – это отнюдь не гармонический союз, но является вместе с тем плацдармом индивидуации, поскольку супруги помогают друг другу познать мир, добро и зло, высокое и низкое, одним словом – бытиё». Таким образом, разрывая брачный союз по причинам недовольства друг другом, взаимонепониманию и т.д., супруги лишают каждый себя этой помощи и возможности познать это бытиё и мир, продолжая жить и действовать по самому глубокому шаблону его познания—раз-деления и от-деления.

Поэтому причина распада семейного союза может быть именно в этом. Тем более, что пока в семье царит мир и покой, семейные пары к психологу не обращаются. Если же при недовольстве семейными отношениями один из членов пары проходит тренинг по ИИПТ, усиливая таким образом ЭГО, то и решимости сделать шаг и разорвать отношения прибавляется. Конечно, это тоже может быть выходом, если пути развития

партнёров противоположны, но, однако, стоит вспомнить то, что, в конце концов, все пути ведут к Единому.

Поэтому ответ на второй вопрос—какими должны быть отношения у практикующего психолога к распаду семейных пар после того, как один из супругов прошёл тренинг—по нашему мнению однозначен. В этом случае необходимо признать, что в работе психолога, при условии повторяемости вышеуказанной ситуации, имеются явные недоработки и необходимо обратить самое серьёзное внимание на то, какими становятся способности к развитию и интеграции у участников вышеуказанных тренингов. В этом есть совершенно определённый смысл, т. к. без этого полноценное развития семьи и каждого из её членов невозможно.

Какие же конкретно шаги можно предпринять ведущему тренинги по ИИПТ для профилактики этого явления?

Во-первых, необходимо заметить, что одна из рекомендаций—ничего не предпринимать в течении месяца, а то и трёх после семинаров, должна объясняться, на наш взгляд, более подробно и, в первую очередь, с позиции сохранения семьи и важности этого шага для дальнейшего развития.

Во-вторых, главной целью тренингов по ИИПТ, на наш взгляд, должен быть не сам личностный рост, как явление, происходящее на тренингах, что иногда служит причиной того, что некоторые клиенты становятся завсегдатаями этих тренингов. Главной целью должно быть развитие СПОСОБНОСТЕЙ к интегративным изменениям и личностному росту.

В связи с этим при ответе на вопрос—что же именно должно быть интегрировано?—в структуре личностных уровней, описанных К. Уилбером, на наш взгляд, можно было бы в уровне единства с Вселенной обозначить место семье и браку, как одному из её слоёв, обойти который невозможно.

В-третьих, одним из шагов может быть проведение контекстуализированных тренингов, на которых участники могли бы получить не только опыт работы в изменённых состояниях сознания, но и определённые навыки для интегрирования негативных сторон своей личности и личности партнёра.

Условия проведения тренинговой работы(были обозначены нами в статье «Семья и духовность»):

Группы не более 10 – 12 пар, количество 40 – 50-ти часовых сессий – не менее 3-х в год.

Первая сессия – теоретическое и практическое знакомство с интенсивными технологиями; разрушение основных паттернов деструктивного взаимодействия в паре; создание определённых отношений взаимного доверия и открытости, способствующих

улучшению коммуникативных качеств в паре и за её пределами; формирование целей дальнейшего развития семьи, как цельной системы.

Вторая сессия направлена на продолжение работы по формированию отношений взаимного доверия и открытости, прикосновение к основным экзистенциалам: работа со страхами сближения и одиночества, свободы и ответственности, страхом смерти своей и партнера.

Третья сессия может быть посвящена проблемам сексуальности, роли телесности и сексуальной энергии в духовном развитии личности и пары и трансценденции отношений, возможностей интеграции в этой области и основным направлениям дальнейшего развития.

То, что касается перспектив дальнейшего развития людей, прошедших три основные сессии, мы считаем возможным формирование т.н. клубов встеч по интересам, в которых было бы возможным продолжить начатую работу по самоисследованию и личностному росту.

Таким образом, вышеуказанная работа при соблюдении принципов «погруженности» в тренинговое пространство, «здесь и сейчас», ответственности и осознанности, может позволить паре сделать шаг к более здоровым и зрелым отношениям.

Хочу добавить, что в настоящее время нами планируется более детальная разработка теоретических и практических аспектов этой работы и исследование влияния тренингов по ИИПТ на отношения в семейных парах.

Влияние фактора запланированности беременности на некоторые эмоционально-личностные особенности детей 4-6 лет.

Пастухова Л.А

« Мы все были беременными,

*потому что мы пережили
беременность хотя
бы один раз—
изнутри»*

Алисон Хантер.

Изучение психологических особенностей беременности в последнее время приобрело актуальность. (1,2,8,10) Все больше психологов интересуются тем, как влияет состояние беременности на психику женщины, ее партнера и, в конечном счете, на ребенка. Обнаружен ряд

интересных психологических феноменов, например, «эффект наследки», описанный французскими психологами (1). О влиянии особенностей протекания беременности на ребенка так же написано немало. Обширные области психологической науки занимаются изучением пере- и пренатального опыта человека (3,7). Мы же рассмотрим частный аспект влияния беременности матери, а конкретно запланированности беременности, на эмоциональные особенности и поведение детей 4-6 лет.

« Ребенок помнит о том, что было до его рождения. Иногда он сообщает о своих болезненных переживаниях и обидах того времени – на языке игры или через необычное поведение, но родители не всегда могут или хотят вспоминать об этом периоде... Франсуаза Дольто описывает случай, когда полторагодовалая девочка во время беседы психоаналитика с ее мамой (по поводу проблем ребенка) периодически подбегала и вкладывала маме в подол платья куклу так, что та все время соскальзывала. Через некоторое время аналитик осторожно поинтересовался у мамы, не задумывалась ли она об аборте, когда ожидала дочку. «Как вы узнали?» - изумилась мать. «Ваша дочка сама рассказала мне об этом...»- ответил врач»(4 с 106).

А.И.Захаров отмечает, что большинство детей, которых, судя по результатам опросов «не ждали», в последствии заболело неврозом страха (5).

На Руси любая знахарка, умудренная опытом и обладающая интуицией, могла по внешнему виду взрослого человека определить, желанным ли он был для матери.(9)

Мы предположил, что фактор запланированности беременности является системообразующим, так как он включает в себя психологическую, социальную, экономическую готовность к появлению в семье ребенка.

Итак, задавшись целью определить, как влияет запланированность беременности на эмоциональные особенности и поведение детей, мы провели ряд экспериментов.

Родителям детей 4-6 лет групп детского сада предлагалась анкета, где в ряду медицинских и других вопросов относительно поведения, интересов их детей значился вопрос: «была ли беременность запланирована».

По результатам анкетирования были выделены две группы детей по 20 человек, родители которых положительно или, соответственно, отрицательно ответили на вопрос ждали ли они этого ребенка. Детям предлагался проективный тест «сказка» Луизы Дюсс, позволяющий выявить эмоционально-личностные особенности детей и проблемы детей 4-10 лет.

Предъявлялись сказки:

а) «Птенец». Цель - выявить степень зависимости ребенка от матери (из сюжета сказки был исключен отец, т.к. нас интересовало наличие или отсутствие сильной зависимости от матери).

б) «Годовщина свадьбы родителей». Цель – понять, ревнует ли ребенок к союзу своих родителей, чувствует ли себя обделенным вниманием со стороны обоих родителей из-за проявления ими своих чувств друг к другу (б с 87-88)

В результате проведенных исследований выявились следующие факты: В экспериментальной группе количество негативных ответов по первой сказке- 20%, в контрольной группе – 15% ($p=0,07$). Таким образом, статистических различий по данному критерию не обнаружено. Дети, рожденные от незапланированной беременности находятся, в той же степени зависимости от своих матерей, что и дети ожидаемые.

В экспериментальной группе количество негативных ответов по второй сказке 60 %, а в контрольной группе – 10 %, найдены статистические различия на уровне $p=0,01$. Таким образом, по нашим данным, дети, которых “не ждали” их родители чаще чем дети, рожденные от запланированной беременности испытывают ревность к союзу своих родителей. Вероятно, дети неожиданные чаще чувствуют себя “третьим лишним” в семье. Эта особенность детей, рожденных от незапланированной беременности, требует на наш взгляд особой коррекционной работы психологов. Например, знание того, что ребенок был “нежданным” для родителей может послужить сигналом для психологов ДДУ к проведению специальных занятий такими детьми.

Итак, беременность- это, прежде всего, начало. Начало новой жизни для ребенка, его матери, семьи в целом. “Забудь начало, и ты лишишься конца...” – поет

Б.Гребеничиков. На наш взгляд одной из важнейших задач не только медиков, но и психологов сделать это начало максимально удачным.

Литература:

1.Браш Х., Рихбер И.-М. Самые важные девять месяцев. Справочник здоровья. - М.: Изд-во «Сигма-Пресс», Изд-во «Феникс» 1998.

2.Второй конгресс по гуманитарной психологии. Июль 1999 г. Москва.

3. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция. М: 1993 г.

4.Детство: Педагогический альманах. У родного очага./РГПУ им. А.Н. Герцена/. - СПб: Акцент, 1999 г.

5.Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М: Просвещение, 1986 г.

6. Кряжева Н.Л. Кот и пес спешат на помощь: анималотерапия для детей. Ярославль. «Академия К» 2000 г.

7. Козлов В.В. Дао трансформации.-М: "Пангея" 1998

8.Пэрну Л. Я жду ребенка. Пер. с фран.: - М: Медицина. 1989 г.

9. Равич Р.Д. Копилка семейного здоровья. Линка-Пресс. Москва 1998 г.

10.Флэйк-Хобсон, Кэрол и др. Мир входящему: Развитие ребенка и его отношения с окружающими. М.: Центр общечеловеческих ценностей. Республика. 1992 г.